

ро другому, доказать ему безобидно его недостойнство и подвинуть его на лучшее. И вот такой-то человек и есть ангел, или, в известном смысле, «Бог для человека» [1, XI, с. 61]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» в письме «Русский помещик» Гоголь писал: «Объяви им всю правду: что душа человека дороже всего на свете и что прежде всего ты будешь глядеть за тем, чтобы не погубил из них кто-нибудь своей души и не предал бы ее на вечную муку» [3, 137].

О роли реминисценций справедливо писал Ю. М. Лотман: «Реалистический текст в принципе ориентирован на «изображение в изображении». ... Конечно, системы цитаций характерны лишь для той стадии реалистического искусства, когда оно вырабатывает свой язык, однако ориентация на двойное семиотическое кодирование составляет его черту. Побочным результатом этого будет то, что реалистические тексты являются ценным источником для суждений о прагматике разного рода социальных знаков» [4, 687-688].

Таким образом, совершенно очевидно, что текст Лескова является откликом на текст Гоголя, при этом это не рабское подражание, а именно отклик. Гоголевские реминисценции позволяют Лескову расширить рамки своих произведений благодаря тем ассоциациям, которые возникают в связи с цитатами Гоголя.

Литература

- 1 Лесков, Н. С. Собр. соч.: в 11 т. / Н. С. Лесков – М.: Худож. литер., 1956 – 1958.
- 2 Гоголь, Н. В. Избранные сочинения: в 2 т. / Н. В. Гоголь – М.: Худож. литер., 1978.
- 3 Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь – М.: Советская Россия, 1990. – 432 с.
- 4 Лотман, Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман – С-Пб.: Искусство СПб, 1997. – 848 с.

УДК 821.161.1' 06: 02-191

С. Б. Цыбакова

Идейно-художественные особенности «маленьких» притч монахов Варнавы (Санина) и Симеона Афонского

В статье проводится анализ поэтики притч, созданных современными православными монахами Варнавой (Саниным) и Симеоном Афонским в духе традиции религиозно-поучительного чтения для детей и взрослых, рассматриваются их композиционные и стилистические особенности, основные дидактические темы и идеи, связанные с ценностными приоритетами христианства. Обращение писателей-иноков к жанру притчи определяется, прежде всего, авторским стремлением доступно и занимательно передать читателям-мирянам разного возраста глубинный нравственный смысл учения Евангелия и православной аскетики. Произведения монахов Варнавы (Санина) и Симеона Афонского представляют собой один из примечательных фактов плодотворного освоения и обогащения художественной формы христианской духовной притчи, продуктивного использования возможностей и принципов образно-аналогического мышления.

Притча – редкий и вместе с тем востребованный во все времена жанр мировой литературы и фольклора. Как правило, чаще всего к нему обращались религиозные проповедники и подвижники, писатели-моралисты, которые через язык аллегорических иносказаний и метафор стремились передать основы и сущность нравственной мудрости, содержание связанных с ней понятий и принципов. В общечеловеческой дидактической традиции словесного искусства притчи – это «изречения разума» о добре и зле, о ценностях истинных и мнимых, о невидимой красоте добродетели и мерзости порока, о важности самопознания и духовном самосовершенствовании, а также о многом другом, что составляет нравственное измерение сознания и бытия людей.

В настоящее время в связи с активизацией творчества писателей, исповедующих христианство, наблюдается и возрождение традиций классической духовной притчи. Отличительной особенностью жанрового состава современной православной прозы является нали-

чие в нем таких модификаций традиционных фольклорных и литературных форм, как сказка-притча и повесть-притча. В отличие от произведений, имеющих усложнённую жанровую структуру, притчи в их чистом, каноническом виде создаются значительно реже, привлекая внимание авторским мастерством безыскусно и незамысловато выразить суть вещей, почти всегда затемняемую в нашем сознании суетой и спешкой повседневной жизни, погоней за успехом, славой, деньгами и почестями. Притчи, вошедшие в книгу монаха Симеона Афонского «О самом простом», «рассчитаны на то, чтобы во время чтения человек пытался отстранить мельницу ума, мелющую бесконечные помыслы» [1, с. 3]. Автор вводит читателя в мир простых и, казалось бы, не нуждающихся в специальных доказательствах их значимости, но часто ожесточённо искажаемых и уничижаемых нравственно-психологических истин. Афонский инок разделяет глубоко укоренённое в народном сознании понимание того, что «кривда всегда пустословна, а правда – немногословна» («Писатели и садовник»). Эта общечеловеческая нравственная мудрость является темой и идеей притчи «О человеке и листьях» из главы «Монах и лестница»: «У одного человека летом спросили: “Скажите, какого цвета листья на дереве?” Он ответил: “А это как посмотреть...” Тот же вопрос задали другому человеку. Он сказал: “Смотря, в какое время года на это дерево смотреть...” Спросили о цвете листьев на дереве у третьего человека, а тот ответил вопросом на вопрос: “А какой цвет вам нужен?” И лишь четвертый утвердительно сказал: “Зелёного цвета”. **Сказал старый монах: “Ложь – это болезнь ума, / А правда – его здоровье”**» [1, с. 245].

Автор книги «О самом простом» следует тем же словотворческим принципам, исходя из которых, создавались притчи с давних пор, передаваясь от Учителей Мудрости к ученикам и народу с целью наставления их в правилах и законах духовно-нравственной жизни. Его небольшие по объёму истории и рассказы, завершённые лаконичными поучительными изречениями, синтезируют в своей структуре возможности и особенности дидактического афоризма и иносказательной, в большей мере, метафорической и аллегорической образности. В композиционном отношении это выражается в том, что «в них за каждым коротким повествованием стоит некая духовная формула или идея, дающая определённый ориентир» [1, с. 3].

Иноческие притчи носят антимирской характер, проникнуты христианско-аскетическим отношением к жизни человека и земной действительности. Автор адресует их не только взрослым и детям, но и тем, «кто хочет стать монахом», замечая в Эпilogue одной из глав, что «нет ничего лучше на свете для всех людей, чем быть со Христом и остаться с ним детьми» [1, с. 186]. Одним из ключевых понятий идейно-дидактической концепции книги «О самом простом» является понятие «мир». Согласно С. М. Зарину, оно в святоотеческом учении наиболее часто употребляется «для обозначения таких элементов и качеств мирового бытия, которые не поддаются преобразовывающему влиянию христианства, но остаются упорными в своей богоотчуждённости и враждебности» [2, с. 512-513]. Под «миром» в аскетическом смысле подразумеваются, иными словами, страсти и грехи в их совокупности, «порядок жизни, чуждый религиозно-нравственным принципам». Евангельским языком притч и с помощью афористически отточенных прозаических и стихотворных речений автор стремится донести до сознания читателей святоотеческую аскетическую мудрость, евангельскую истину о том, что «весь мир во зле лежит» (1 Ин.: 5: 19). В притче «О большой рыбке и маленькой», например, он, развивая старинный аллегорический мотив рыб, попавшихся в сеть, утверждает: **«Большие надежды на этот мир приносят лишь большие разочарования: Чем глубже в мир нырнешь, / Тем больше горя хлебнешь»** [1, с. 27]. По свидетельству старого монаха, **«то, что нужно миру, всегда противоположно душе»**. Поэтому, как завещает учитель иноческой мудрости, обращаясь к тем, кто хочет стать монахом, **«познай цену мирских желаний, пока они тебя не убили»** [1, с. 283].

Писатель-инок противопоставляет царство земное Царству Небесному, ценности мирские духовной жизни и ее радостям, несовершенную с христианской точки зрения человеческую правду как порождение ущемлённых самолюбий правде Божьей, то есть высшей нравственной справедливости и милости. Не случайно, что в основе аскетической морали ряда притч лежит приём антитезы: **«Правда Любви Небесной всегда выше правды земной, ибо правда земная не имеет в себе Любви: У людей правда – земная, / А на Небе – небесная** [1,

с. 16]; **Не доверяй “доброте” мира сего, доверяй лишь доброте Царства Небесного:** Царство Небесное – это Спасение, / Царство земное – всего лишь мгновение [1, с. 106]; **Всё учение мира сего – уметь брать и отнимать, и только Евангельские заповеди учат уступать и отдавать:** В мирской жизни учатся брать, / В духовной – отдавать» [1, с. 211].

Христианско-учительная направленность содержания книги монаха Симеона выражается в раскрытии глубинной сущности различных греховных страстей, которые, зарождаваясь, развиваются в душе человека, постепенно завладевая его умом, чувствами и волей. Особую и весьма многочисленную тематическую группу наравне с «антимирскими» в книге «О самом простом» составляют притчи о помыслах и о борьбе с ними. Такие важнейшие понятия святоотеческого учения, как «помысл», «искушение», «грех», «покаяние», «спасение», являются ключевыми в назидательно-нравоучительной концепции произведения. По сути, многие притчи монаха Симеона служат разъяснению основных положений православной аскетике о страстях как болезнях души и о помыслах, с проникновением которых в душу человека, и зарождаются всевозможные греховные настроения и нравственные аномалии. По свидетельству С. М. Зарина, «именно «помысл» ... является, согласно аскетическому учению, не только исходным моментом возникновения страсти, но и средоточием, *существенным, центральным элементом этого психического состояния...*» [2, с. 247]. Выражая в притчеобразной форме мудрость подвижников христианского благочестия, автор, например, наставительно замечает: **«Если хочешь сберечь своё сердце, не впускай в него никакой помысл, каким бы он ни казался хорошим:** Помыслы бывают лихие, / Но только дела от них – плохие» [1, с. 13]; **«Если хочешь избавиться от дурных мыслей – закрой от них сердце:** Помыслам никогда не верь, / Твое сердце для них – не дверь» [1, с. 61]. В притчах из главы «Монах и лестница» помыслы предстают в образе искушающих демонских сил, защититься от которых подвижнику помогает молитва.

Для читателей, всецело находящихся в состоянии «омирщённости» (С. М. Зарин), когда, смысл жизни видится исключительно в земных благах, утех и сокровищах, духовная мудрость монашеских притч может быть воспринята как парадоксальная, а в некоторых случаях «юродивая» или бесполезная, поскольку она диаметрально противоположна обыденной, «мирской» мудрости: «Чем больше ценишь самого себя, тем больше себя теряешь» [1, с. 205]; «Не дружи с миром, как мышь – с мышеловкой и сыром» [1, с. 160]; «Самое большое богатство – в добром сердце, а не в большом кошельке» [1, с. 112].

Выступая проводником святоотеческой аскетической мудрости, монах Симеон многие из своих притч посвящает теме губительного воздействия страстей на душу и жизнь человека. Так, гордости как главной причине духовного падения противопоставляется смирение, из всех христианских добродетелей наиболее угодная Богу. Сущность гордости, как и специфика других страстей и пороков, передается в образно-наглядной форме, нередко, посредством использования возможностей аллегории и олицетворения природных явлений и образов. Из созданных словесных «картинок»-иносказаний извлекается душеполезный, поучительный смысл: «Выросло на яблоне яблоко – большое, румяное, глаз не отвести! Поглядело оно на соседей: одно – червивое, другое – незрелое, а третье так перезрело, что вот-вот свалится... “Я лучше всех – радостно подумало красивое яблоко – Надо только покрепче укрепиться на ветке и налиться соком, чтобы стать еще красивее!” Но неожиданно подул сильный ветер, хлынул дождь. Не удержалось красивое яблоко на ветке и шлёпнулось в грязь. А тут подошла свинья и, хрюкнув, съела его. “Тордый и богатый – падают и разбиваются, / А смиренный да скромный – живут и спасаются” [1, с. 84].

Тематика «маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина), изданных в двух томах, также почти исключительно носит морально-религиозный характер. Однако в отличие от произведений афонского автора, проникнутых духом православно-христианского аскетического учения, назидательные рассказы, истории и высказывания монаха Варнавы представляют собой «удивительный сплав высокой духовности и нравственности с народной мудростью» [3]. Многие из них созданы как иллюстрации к известным пословицам и поговоркам, направляя читательскую мысль в сферу выработанной жизненным опытом бесчисленных людских поколений «морали благоразумия» («За двумя погонишься», «Пустая

бочка», «Коса и камень», «Шило в мешке», «Ложка дёгтя», «Норовистое яйцо», «Плеть и обух», «Лежачий камень», «Глупец и гора», «Нет худа без добра» и др.). В народной мудрости автор видит выражение слитых воедино глубинных нравственных чувств и трезвого, правильного взгляда на человека, его земную участь. Одним из дидактических лейтмотивов книг «маленьких притч» является утверждение синтеза морального принципа «золотой середины» (меры) и веры в Бога, благочестия как наиболее приемлемых с нравственной точки зрения ценностных приоритетов и духовных опор христианина-мирянина:

«Устал подвижник идти слишком трудным, выбранным им самим путём и свернул на широкий.

А с того на узкий путь свернул возжелавший спасения человек.

Встретились они.

Поговорили.

И пошли вдвоём – средним путём!» («Царский путь»).

Неверие, отрицание Бога, исходя из учительной позиции автора, – следствие уклонения от «царского пути» и впадения в крайности, когда, как часто говорят о ком-либо в таком состоянии, что у него «зашел ум за разум» («Ум и разум»).

Многие притчи, источником создания которых послужила сокровищница фольклорной мудрости, бессюжетны, являя собой остроумные высказывания и замечания с явным или скрытым поучительным смыслом: «Плетью обуха не перешибёшь. / Но связать – можно!»; «В темноте все кошки серы. А на свету и чёрная кошка останется чёрной!»; «На Бога надейся, а сам не плошай! А чтобы не оплошать – опять надейся на Бога!» [3]. Нередко популярные пословицы и поговорки трактуются автором в христианско-дидактическом духе, выступая отправной точкой для выражения евангельских истин и основ православного вероучения: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» («Синица и журавль»); «Под лежачий камень вода не течёт» («Лежачий камень»); «Сколько волка не корми, а он всё в лес смотрит» («Непонятное») и др. Значение подлинной веры, укрепляющей духовные силы человека, принявшего христианский путь, раскрывается, например, в лаконичной притче «Синица и журавль»: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе!» – подумав, сделал выбор малoverный человек.

А глубоко верующий сел на синицу – и полетел вслед за журавлем» [3, с. 209]. Народная мудрость начинает звучать на новый лад, переводится автором из обыденной сферы жизни людей в план вневременный:

«На семь бед – один ответ:

«Слава Тебе, Господи и благодарение за всё и за вся!»

Ведь беды пройдут.

А Вечность – останется!» [3, с. 195].

Весьма объёмную группу в книге монаха Варнавы составляют притчи, действующими лицами которых являются персонифицированные добродетели и пороки, а также нравственно-психологические и религиозно-этические абстракции («Зависть», «Сребролюбие», «Трусость», «Покаяние», «Совесть», «Жадность», «Милосердие», «Уныние» и др.). В некоторых случаях персонажи-аллегии, выражающие дуалистический взгляд на духовный мир человека, образуют антагонистические пары («Гнев и Смирение», «Правда и Кривда», «Лень и работа», «Вражда и дружба», «Любовь и ненависть»). Использование приемов персонификации и антитезы позволяет автору в максимально сжатой и ясной форме передать самые отличительные и рельефные особенности основных грехов и противостоящих им добродетелей. Так, притча «Жадность жадности», состоит всего лишь из трех коротких предложений. Но в ней очень точно и верно отображена сущность одного из самых распространённых людских пороков:

«Нашла жадность клад.

И закопала его поглубже.

От жадности...» [3, с. 42].

Почти столь же немногословна и притча об унынии «Неожиданная радость»:

«Захотело уныние радость опечалить.

Опечалило.

От чего даже само обрадовалось.

Да только этого даже и не заметило» [3, с. 51].

Мысль о том, что всевозможные страстные состояния как болезни души, являются тесно взаимосвязанными, образуя «анатомию» нравственного зла, кратко и остроумно выражена в притче «Обидчивость»:

«Обиделась обидчивость на гордыню и решила уйти от нее навсегда.

Но не смогла.

Она ведь и шагу ступить без нее не может!» [3, с. 244].

Особое место в произведении монаха Варнавы занимают притчи о «злободневных» грехах, о тех пагубных пристрастиях и опасных соблазнах, в плену которых находится большая часть современного человечества (наркомания («Вечная ломка»), увлечение экстрасенсами («Бедные жертвы»), курение («Не убий!»), противоестественные грехи («Страшнее притчи») и др.). Греху как порождению своеволия и самолюбия автор противопоставляет мудрость Божьего миропорядка («Правильный порядок», «Радуга и воробей», «Своя доля», «Благодарность» и др.).

Обращение к модели миниатюрной притчи, опора на формирующие ее принципы образно-аналогического мышления, позволили христианским авторам в доступной и занимательной для читателей разного возраста форме передать сокровенный смысл евангельской и святоотеческой мудрости. Рассмотренные притчи, написанные с целью «восстановления храмов человеческих душ», относятся к числу наиболее заметных и плодотворных вкладов современных духовных писателей в возрождение и обогащение прерванной советским атеистическим режимом традиции христианско-назидательного чтения для детей и взрослых.

Литература

1 Монах Симеон Афонский. О самом простом. Книга притч для взрослых и детей и для тех, кто хочет стать монахом / Симеон Афонский, монах. – М. : Пустынь Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. Святая Гора Афон. ООО «Синтагма», 2010. – 320 с.

2 Зарин, С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению / С. М. Зарин. – Киев: Общество любителей православной литературы. Изд-во имени святителя Льва, папы Римского, 2006. – 693 с.

3 Монах Варнава (Санин). Маленькие притчи для детей и взрослых / Варнава (Санин), монах. – М. : Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2011. – Т. 2. – 288 с.

УДК 398

И. А. Швед

Белорусские народные представления об аде: локативный аспект

В статье рассматриваются белорусские народные представления о локализации ада. Он как часть того света противопоставлен раю по осям верх/низ, восток/запад. Представления об аде связаны, во-первых, с универсальной классификацией, заданной архетипической моделью мира, где каждый человек в соответствии с определенными характеристиками занимает свое место, и, во-вторых, – с идеей соответствия локального положения человека его моральному статусу, уровню духовного (не)совершенства. Ад характеризуется не чисто идейным существованием, «мысленностью», а вечной материальностью и обычно описываются относительно присутствия в нем человека (его души), адаптируется к мифо-фольклорному пространству и его определяющим координатам. Наиболее древними являются представления, по которым рай и ад территориально не разделены.

Ад вместе с раем, по народным представлениям белорусов, как и других славян, являются частями того света, которые занимают крайние ступени этой системы – на лестнице благодати (*Боскай ласкі*) и греха – и имеют полярную аксиологизацию.

Ад (как в более ранних, так и современных фольклорных «библейских» нарративах) – место (точнее – локус) нахождения грешников, которые на том свете мучатся за свои земные